

В. А. ЛЕВШИН

Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Волтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Левшиным к приятелю его Господину З***

Вольтер: pro et contra, антология
СПб.: РХГА, 2013. – (Русский Путь).

Государь мой!

Вы, увидя намерения в руках моих поэму г. Волтера на разрушение Лиссабона¹, говорили, что пришлете ко мне возражение против оного в письме г. Руссо²; вы прислали оное и возложили притом труднейшее исполнение по силам моим, вы желаете, чтобы я нашел, на чьей стороне справедливость, "в поэме ли г. Волтера, приводящего нас острыми впадениями разума своего в отчаяние чрез доказательства свои, что все на свете худо, или в письме благоразумного его сопротивника г. Руссо, подкреплявшего нашу надежду доводами, что не должно считать зло частное злом общим и что зло частное есть ничто, или, может быть, и необходимо в рассуждении добра целого". Справедливую сторону легко усмотреть уже из двух сих противных заключений, когда единое тщится избавить от отчаяния, а другое в оное повергнуть, но вы требуете подробного изъяснения. Что бы мне сказать на сие вам, государь мой, кроме объявленного уже выше, что труд сей не по моим силам? Но я ведаю, что отговорка сия для меня будет неуместна, вы не отстанете от меня или назовете упрямым, хотя бы гораздо для вас великодушнее было не поставлять меня судьей над людьми, которых весь свет наш признал славными. Итак, я следую участи человеческой приниматься за дела свыше смысла своего.

Я мог бы решить одним словом: "Волтер погрешил", – но опровергнуть мысли мужа, толико именитого, и систему его, обожаемую многими, требует, чтобы я с довольной ясностью вывел доказательства моего опровержения. Нет к тому почти надежнейшего средства, как держаться правил г. Руссо, для сего употребленных. Но прежде следует мне предложить, с каковым намерением писана сия Поэма на разрушение Лиссабона, равно как и большая часть сочинений Волтеровых.

Господин Волтер в сей поэме хотел доказать, что Бог не есть всеблагий, или когда Он всеблагий, то не всемогущий, или что свет, созданный Им, от Него не управляется. Следственно, нет провидения, а все на свете идет случайно. Прежде желал он выводить из зла нравственного, как, например, в своем "Кандиде, или Оптимизме", потом же употребил к тому в довод случай падения столицы португальской от землетрясения. При сем случае, говорит он, что если бы Бог казнил тысячи погибших там людей за беззакония, то за что погибли тут же младенцы безгрешные и скоты? Если бы Бог был властен и благ, Он запретил бы горящей под землей бездне, сжалясь на стон молителный погибающих, и если нужно для света, чтобы горела земная пропасть, для чего бы не гореть ей в пустыне, и для чего не провалиться стране ненаселенной? Что Бог мог бы грешников наказывать, кроме смерти; и Всеблаговому можно ли сносить, когда тварь Его страждет? Что все на свете, имеющее бытие, ведет между собой брань и что все чувствуют, что злом свет наполнен, что всесовершенный Бог зла не может произвести, другого нет творца, а зло есть на свете; и напоследок оканчивает коварно, смеясь надежде, кою имеют человеки о добре, ожидаемом по их смерти.

Следственно, отвергает бытие души и утверждает, что вся действующая нами машина и причина всего действия уничтожится со смертью.

Я удивляюсь, как г. Волтер, будучи мужем толикого разума, взял дерзость слабыми человеческими понятиями писать против свойств и намерений Непостижимого. Знаю, что доводы его имеют хитросплетенные основания, но все таковые основания весьма опасны в случаях, где разум человеческий связь теряет, и весьма слабы, когда человек пишет против Бога. Впрочем, оставя метафизику и логику, одно только воззрение и прилежное рассмотрение Естества может мнение Волтерово неоспоримо опровергать. Я не употреблю к тому ничего, кроме видимого в природе и заключения по тому здравого разума. Я приступлю к возражению сего только видимым о намерении Божьем в создании сего мира и о познании чрез то бытия Его и благодати.

Но, кажется, какая к тому надежда слабому смертному? Все ученые, и самые те, кои должны служить показателями пути нашей жизни, приводят только нас на распутья. Одни из них имеют в голове больше сомнительных мыслей, нежели надежных оснований, и бывают неизвестностью колеблемы, как гибкая трость; оные сомневаются беспрестанно и даже во всем. Они отстрачивают нас отыскать истину и ограничивают пределы разума. Удивительно видеть столько естественной способности и столько неизвестности, вкупе соединенных. Они имеют множество последователей, и сии сомневаются даже до совершенного неверия. Напротив, другие обещают нам чрез меру много и распространяют слишком господство разума. Они подвергают все понятиям своим, нет для них ничего трудного. Когда они заговорят, можно подумать, что они подробно знают свойство духов и тел. Для них не больше труда стоит, как только повернуть рукой, и по желанию их материи разделяются и опять совокупляются; они ведают побуждения, коими тела мира приходят в движение, они знают состояния самонаименьших их частей, из коих оные созданы; говорят о всем и предопределяют все весьма дерзким образом³.

Но сколько упадет сие высокопарное присвоение! Если только оставить выдумки и придерживаться естественного знания, то должно признаться, что природа, хотя представляет нам великолепное зрелище, но внутренность оной остается для нас сокрыта. Мы не ведаем, как машины движутся, строения каждой оных части и образ, каковым оные вообще связуются, понятию нашему высоко. Внешнее мы видим и употребляем оное, но познать явственно учреждение и побудительные причины Естества, кажется быть дарованием, которое предоставляемо для иного состояния. Кажется, мы созданы за тем, чтобы стараться быть добродетельными, и тем мы в жизни сей подобны путешественнику, начинающему дорогу свою на утреннем рассвете ясного дня. Приятный, хотя слабый блеск освещает окрестные предметы, но мы познаем только то явственно, что к нам близко, мы можем лишь различить реку и близ по ее берегу проложенную стежку, больше нам и не нужно, мы можем путь наш продолжать беспрепятственно. Путешественник, хотя необходимо должен то примечать, что ему в дороге встречается, впрочем, оный ни сего не совершит, ни того не минует, однако нужно ли ему испытывать подробное свойство земли, по которой он идет, и воды, которая близ его течет? Ему не следует, кроме продолжать свой путь и оберегаться, чтобы не упасть в реку. Если же он захочет быть слишком любопытен и остроумен, то он, остановясь у воды, замешкается и пожелает изыскать ее свойство. Он начнет трудиться открыть ее источник, ее происшествие, ее начальную причину, он начнет вопрошать о ручьях, кои в реку сию впадают, он

будет испытывать, какие рыбы в ней живут и какие травы растут по берегам ее. Он исследованиям своим конца не увидит, и путь останется не совершенным. Вот начертание нашей жизни.

Рассуждать о ненужных вещах, и которыми ни склонности наши не делаются совершеннее, ни нравы поправляются, ни обществу услуги оказываются, есть уклонение от истинного пути или вредное замедление в нужной дороге, ибо вместо сего могли бы мы предпринять что-нибудь полезное. Премудрость Создателя искала предохранить нас от таковых препятствий тем, что ограничила наше понятие. Если б оно было больше, мы бы вместо действия занимались только зрением, нам бы презрительно уже на земле сей жить казалось, если бы мы видели, что происходит в планетах. Но со всем тем сие побуждение к любопытству, сие желание разуметь о всем есть истинный довод, что бытие человеческое не оканчивается с разрушением его здешней телесности, как, впрочем, сие противно бы было намерению, с каковым нам дан разум, т.е. уничтожить оный, когда уже он опытами близится к высоте познания в своей старости.

Многие разумные люди употребляют рассмотрение природы в доказательство о бытии Божьем. Должно отдать похвалу доброму желанию сих, старающихся учинить порядочный довод сей истины, но я не думаю, чтобы таковой труд мог иметь желаемую пользу. Что есть Бог, кто в этом усомнится? Но затем ли показывают часы, чтобы доказать, что есть часовых дел мастера?⁴ Рассматривающий прекрасную машину сомневается ли в искусстве художника, оную сработавшего? Оба сии понятия легко соединить, понеже они неразделимы. Кто сомневается, имели ли часы своего мастера, тот поистине недостоин, чтобы с ним вступать в спор. Великие книги, кои пишут для утверждения о бытии Бога и что составляет только часть здравого разума, суть только поношение чтецам и слушателям. Зачем доказывать то, что всякий чувствует и постигает. Весь видимый мир сей есть зеркало Божия совершенства, потому употребление сего зеркала состоит не в доказательстве, что свет сей имеет происшествие от Бога, но чтобы доказать нам себя о Божьем единстве, премудрости, бесконечности, благости и провидении.

Что все вещи от единого Существа происходят, сие всякий может заключить из взаимного соединения всех частей всей природы, также по намерению, к каковому все Естество клонится, не меньше и по разнообразности средств, коими оные намерения содержатся.

Повсюду, куда ни воззрим, находим мы или простые вещества, или тела, из частей составленные, весьма между собой различных действий. Что воспалит огонь, угашает то вода; что один ветер замораживает, другой приводит в таяние; что иссушает солнце, увлажняет то дождь, но между тем всех сих и тысячи других, по-видимому, противотечущих действий соединение весьма чудным образом составляет только едино целое. Одно подкрепляет или поправляет другое, и каждое к всеобщей связи столь необходимо нужно, что она без того разрушилась бы или утратила бы свое предопределение, хотя бы только одну часть из оногo отнять.

Положим, пусть не было бы чего-нибудь в природе считаемого нами за излишнее, например движения воздуха или ветра, какое одно сие навлекло бы расстройство! Тогда воздухом и теплотой вытянутые из моря и из земли пары остановились бы на одном месте, где взошли в недостатке ветра, разносящего тучи паров, т. е. облака, повеет странам, земля бы иссохла от жара солнечного, трава на полях увяла бы, животные лишились бы жизни, и вся природа лежала бы при последнем издыхании.

Вместо ветра, коего необходимость весьма явственна, отнимем из тела земли нашей такую часть, без коей нам, кажется, можно было обойтись. Например, пусть бы не было разных родов глины, но коликий вред из того восстанет! И в том ли только, что человеческий род не будет иметь из чего делать свою посуду? Нет, государь мой! Урон толь же великий, как и недостаток ветра; без глины потеряем мы все наши водяные ключи, источники и реки. Казалось бы, что и без глины обращение паров и вод происходить может, но может уже с трудом и без действия. Тогда пары, упавая дождем, пропадали бы в том же состоянии, вода проникала бы сквозь рыхлую землю в глубочайшую ее внутренность и не останавливалась, и не собиралась бы, как ныне, на слоях глины, сквозь кою она проседать не может.

Посему все части природы приуготовлены к некоторому употреблению, и только единым разумным и всемогущим Существом в связь приведены. Если бы было более создателей, и один бы из них сотворил солнце, а другой – землю, то помышляли бы они о разных намерениях и пользах. Творец солнца, яко толь презрядного тела, не захотел бы, чтобы оно столько пособствовало не его созданию земле, и было бы между ними, как между богов Омировых, кои, ничего не делая, только между собой бранились. Следственно, только единое есть Существо, кое каждую часть мира сотворило для другой и оные между собой так связало, что всеобщее расстройство воспоследовало бы, если хотя б одной частицы не доставало или бы она двигнулась с определенного места.

Истина сия прознается еще явственнее, когда рассмотреть всеобщее намерение всех частей в природе. Что оные стремятся к одному намерению, и всех их толь бесчисленные действия по оному учреждаются, сие относится к единству Создателя, вложившего в них таковое стремление. Человек есть как бы союз и средняя точка всей природы, ибо возьми только одного от земли, вся красота ее не имеет уже пользы. Всяк видит, что для человека находится все, что земля внутри и снаружи в себе ни имеет. Но о сем будет еще говорено впредь. Истина же сия не опровергается и тем воображением, что есть населенные миры, кроме нашей земли. Положим, что планеты только обитаемые земли, освещаемые солнцем, положим, что неподвижные звезды суть солнца, имеющие вокруг себя свои обитаемые планеты, то из сего не следует, кроме, что Бог и в других тварях являет премудрость свою и величество, и об оных также в каждом обитаемом шаре печется, как и в нашем. По ему не останется спора, что все сии великие тела, кои в прекраснейшем согласии и не препятствуя друг другу в путях своих движутся, созданы единой рукой, и законы движения своего от единого восприяли Господа; итак, картина всегда остается одна, хотя и толь много в ней образов видимо. Когда для одного концерта много голосов потребно, то тем лишь изъясняется великое искусство сочинителя, что оный такое множество учредил голосов, которые в едино согласуются. Что единый Творец все произвел вещи, можно удобнее заключать из продолжения породы животных и растений. Ибо каждый род животного и растения с начала создания до конца времен удерживает одинакий вид и одинаков свойство; следственно, каждый род сотворен по особливому расположению. А сие единство вида и свойств доказывает, что трудились над ними разумное и всемогущее Существо.

Все же сии бесчисленные и до изумления различные роды животных и растений показывают нам единогласно о единстве Творца своего через единое средство, коим оные распложаются. Оставим теперь все мнения и споры о том разных мудрецов, каким образом яички и зародышки плодоносив свое получать

могут, но коснемся только мгновенно до того, что тысячами опытов вне сомнения поставлено.

Каждое животное, велико ли или мало оно, происходит из зародыша, где оно прежде лежало почти в неприметной простом глазам малости. Все растения имеют то же начало. Все сии зародыши окружаются многими кожами или черепками для сопротивления внешнему давлению воздуха и строгости погод. Кто бы сию необходимую предосторожность сделал? Несчастный случай могли иметь таковую разумную проницательность? Кто, кроме провидения Творца, мог бы расположить единообразие в различностях? Кто бы мог сохранить от начала навсегда без перемены все сии предосторожности? Безумно, если возражать еще против сей истины. Итак, распространяюсь я еще несколько о промысле Создателя, открывающемся в воззрении на растения, который не забывает ниже о самомалейшем из оных. Головочка молодого деревца или травки не показывается из земли, как в покрывке, сохраняющей ее от вредных погод. У одних родов семенные половинки сами выходят наружу и хранят молодой росток до тех пор, как уже оный, укрепясь, не будет иметь в них нужды, тогда сии половинки отпадают. Другие, не выносящие на ростке семени, из земли выносят свою голову, как бы в пеленах обвернутую, разные кожицы нежнейшие к самому зародышу, чтобы твердостью не повредить его мягкости, а твердые снаружи берегут сию прилежно. Все глазки на деревьях, из коих выходит надежда будущего растения и расплождения, имеют о себе сию заботу Всемогущего.

Все сие преподает нам явственное понятие о Творце света, о Его единстве, о всех Его совершенствах, силе, премудрости, воле и благодати. Все сии Его Божественные свойства между собой равны, и взирая на природу, оказываются, что оные бесконечны, равно как Он Сам. О силе Его можем мы заключить из некоторых опытов. Возведем взоры наши на тела небесные, кои не так, как месяц и планеты, испускают от себя свет не занятый, но собственный. Солнце и звезды неподвижны, хотя скрываются на несколько от очей наших со своим сиянием, но они не угасают и еще как бы блистательнее предстают нам в свое время. Блеск Солнца хотя может помрачить звезды, когда входит в нашу атмосферу, но со всем тем звезды, равно как и Солнце, имеют свой собственный свет, коего никогда не теряют. Каждая звезда есть шар огненный. Что мы оно, не взирая на безмерное их от нас отдаление, видеть можем, сие происходит не от того, чтобы оные были меньше нашего Солнца, но уменьшение их есть только довод о их отдалении. Следственно, все они есть солнца, которые затем от нас отдалены, чтоб огонь их нам вреда не причинял, однако же чтобы мы не совсем лишились их света. Когда мы положим сию неоспоримую истину в основание, то из двух следует одно, либо, что сие множество солнц только для нас сделано или что есть еще другие различные твари, кои пользу оных с нами делят. Положим, что звезды блистают только для нас, какое благоденствие вкушаем мы, что таковые блистающие светильники повсюду в небесном своде насаженные, хотя жилище наше ночью украшают, но не имеют излишнего блеска, чтобы нарушать покой наш! Когда же они солнц, кои при великолепном украшении, нам предоставляющемся, освещают и еще другие шары земель, если сии белые полосы, Млечный Путь называемые, по свидетельству зрительных труб, составляют неизглаголанное число весьма удаленных от нас солнц, то, следственно, не тщетно они созданы, а для земных шаров, сколько же бесчисленно там населенных, как песок на берегах моря.

Премудрость и сила Божья во всем, созданном от Него, неразлучимы, они открываются повсюду в равной мере, везде, где ни видим мы бунтующие силы, там усматриваем и узду, оные удерживающую.

Сии превеличайшие шары, в различных путях около нас носящиеся, суть ужасные машины, от коих малейший толчок раздробил бы вдребезги нашу Землю, но они движутся предопределенным и размеренным образом. Путь их никогда не уклоняется от предписанного течения, величие их тяжести и скорости учреждено по вернейшему исчислению, движение их никаким неожиданным препятствием, никакой посторонней силой в непорядок не приводится.

Воздух, на нас лежащий, беспрестанно стремится давить нас к земле и расплющить, однако распространительная сила того, который мы в себя втягиваем, противится силе сей равной силой, и сии силы, друг другу поставляя равновесие, отправляют действие свое неприметно.

Море ежедневно своим приливом, кажется, грозит нам потоплением, но угрозы сии уничтожаются отливом, и мы получаем выгоды сего беспрестанного движения без опасности.

Жар лета имеет свои пределы, а хлад зимы – свою меру. Сила движения в мышце слона, равно и в мышце червя, родящегося в сыре, умеривается силой другой мышцы. Вся природа есть совокупление сил движения и противоборства, даже силы враждования, неусыпно стремящихся друг друга уничтожить, но бесконечная Премудрость управляет оными кротким образом по всеобщему намерению, согласие между ими производящему⁵.

В том, как беспредельное Существо повсюду толь совершенный порядок и величество являет, оказывает Оно притом и совершенную волю. Она не подвержена никакой вещи, она не ограничена, не принуждена как по своим собственным законам, ниже по упорству веществ, кои для себя употребляет. Кажется, будто бы Бог находит удовольствие в том, когда употребляет сию волю, и дела Свои созидает к Своей забаве, столь различные оказывая перемены в учреждениях и украшениях.

Когда отлив позволяет нам прогуливаться по берегам моря, находим бесчисленные роды раковин потомков тех, кои за несколько веков хранятся в кунсткамерах. Праотцы и дети совершенно между собой сходны, опять напоминовение не слепого случая, но промышляющего Провидения. Все они вообще не пременившееся изображение своего начального расположения. Между тем не может быть ничего вольнее, как выбор толь различных расположений. Находится множество родов раковин и морских насекомых, кои во всю жизнь свою на одном пребывают месте, но, кажется, они снабжены великим множеством ног, коими с крайней поспешностью движутся. Люди, ловящие их, имеют при сем важное преткновение, зачем столько ног, скажут они, когда не двигаться с места? Однако то, что они приемлют за ноги, суть только малые хоботы, коими сии животные бьют по воде, дабы плавающие в море масляные соки или другие влажности, следуя движению воды, от удара сего происходящему, к ним приближались. В строении насекомых на сухом пути оказывается не меньше сия Божья воля. Те роды насекомых, коим Господь назначил в пищу зеленый лист древесный, не обитают на каждом дереве без разбора, каждый род сих пребывает на особливом предназначенном своем уделе и не выходит из своего округа. Сия же воля, назначившая им разные жилища, снабдила их орудиями для приуготовления оных. Одни из них получили буравцы, чтобы накалывать дубовый лист и произвести истечение сока, под коего затвердевшей корой могут они жить со

своими молодыми; другие снабжены долотами и пилами, чтобы разверзть корку на розовых деревцах и выдолбить в одной два ряда маленьких ямок для положения в оные яиц своих; иным дано искусство обвертывать около себя молодой листок древесный, удерживать в сем положении множество укрепленных по краям паутин; ибо, впрочем, листок по естественному своему напряжению разогнулся бы и не имел потребной впуклости. Некоторые живут только в пучках растений, иные внутри листов, живущие внутри овощей не могут жить в другом месте. Итак, напрасно заботятся, что червь, внутри овоща находящийся, может также расплодиться в желудке младенца или, положим так, хотя бы он и мог жить против своего назначенного правила и вылупиться из яйца своего, и жар желудка, который, однако, в рассуждении его есть горящая Этна, выдержать; но рода своего там он расплодить не может, понеже ему следует сперва быть куколкой, а потом летающим животным, прежде нежели достигнет возможности детей рождать.

Сия беспредельно вольная сила, которая растения назначила средством к содержанию непонятного множества родов тварей и которая одно растение избрала жилищем различным родам, не останавливается, чтобы только одними насаждениями содержать насекомых, она питает оных великое множество во всех соках. Брось несколько муки в воду, стоящую на открытом воздухе, то появятся малые твари стадами над тем местом и начнут класть яйца свои в сию воду, из оных со временем опять они появляются, превращаются и улетают. Сии в мокроте живущие твари обыкновенно бывают так малы, что простыми глазами почти рассмотреть их не можно, но, невзирая на то, размножаются они ужасно и повсюду наполняют воздух. Они служат в пищу другим насекомым, кои поболее их ростом, как и сии равномерно птицам. Посему находим мы, что все создано одно для другого, как в вещах видимых, так и в тех, кои взор наш не постигает. Бог употребляет волю свою еще гораздо удивительнейшим образом, тем, что непонятное множество тварей содержит в меловой земле, в пустых раковинах, в гнилом дереве, в камнях и самом мраморе. Бог не хотел, чтобы что-нибудь осталось без пользы и чтобы сии твари свободно могли достигать в назначенное себе жилище, снабжены они одни перьями, другие буравцами, терпугами или тому подобным, что способствует для породы их и обиталища. Так же не малому числу родов тварей назначено место в телах животных, из коих одни по превращении своем выходят на поверхность мухами, а другие остаются всегда червями и в сем виде размножают род свой. К первым надлежат те, кои кладут зародыши свои под кожу скотов или в их ноздри, или в иной части тела, от каковых соседей иногда скоты приходят в бешенство. Ко вторым же – живущие только в желудках и внутренностях скотов и нигде, кроме сего, существовать не могущие, либо затем, чтобы поглощать находящиеся там излишние соки или чтобы соки сии содержать в жидкости, дабы оные от сгущения не сделались вредными.

Мы видим, что сей беспредельной силе столько же легко было различать виды птиц и других животных, какое различие находится в величине от Штрауса до колибри, какая перемена в носах от тукамова до птички мушки, которая еще меньше колибри, каковую степень силы или поворотливости видим от слона до мыши. Четвероногие животные покрыты шерстью, между тем чешуйчатая кожа носорога показывает, что Богу можно было дать им и иного рода покрывку. Птицы покрыты перьями, но волосы касуария и крылья летучей мыши изучают нас, что Богу возможно бы дать им полет и без перьев.

Посему все вещи доказывают нам о столь же вольном, как и разумном выборе того, кто их произвел. Во всем естестве не находится произведения

простого случая или слепой необходимости. И то, что беспрестанно действующим сделано, приводится к действию с совершенной вольностью. Нет необходимости, чтобы Солнце только поутру восходило, но Земля исполняет сие необходимым образом, следуя закону, предписанному от Создателя, в течении своем и обращении вокруг своей оси; и Создатель по воле Своей толь же легко может оное переменить, как учинил единожды.

Но сия воля Его основана не на своенравии. Бог употребляет оную не для пышности и показания, что Он все может делать, что захочет, употребление воли Его учреждается повсегда благостью, сия для нас толь полезная истина лежит некоторым образом во всей природе пред нашими очами.

Известно, что многие из людей, равно как и покойный Волтер, учинят на сем месте возражение, скажут они, может ли быть то благостью, когда Бог поместил в свете столько вредных животных и растений? Оставя зверей, нас терзающих, оставя гадов, нас умерщвляющих, не упоминая о минералах, о плодах и растениях, лишаящих нас здоровья и самой жизни, сказать только о малейшем, например нужны ли в природе были черви, корабли наши неприметно прогрызающие, сваи в наших заплотах источающие и подпоры домов наших опровергающие? Если бы человек мог так удобно проникать намерения Божьи, если бы он в состоянии был обзреть все учреждения мира сего с такой быстростью, как хватается он за вещи, являющиеся ему вредными в природе, он бы не вопиял против встречающихся зол в естестве, он бы разумел, что, может быть, злом нам кажущееся было неизбежимо при учреждении мира, и согласился бы принять сентенцию г. Руссо: "Целое есть добро, или все в рассуждении целого есть добро". Я не сомневаюсь, что ни один человек не может сыскать приличных доводов ни для защищения, ни для опровержения сего предложения, ибо доказательства сии зависят от совершенного познания учреждения сего мира и намерения Создателя, а познание таковое, без сомнения, превосходит человеческий разум.

Весьма бы можно много сказать против мнимой неполезности вредных созданий, как-то, во-первых, что природы нами исследована только малейшая часть, совершенно нам испытать ее никогда невозможно, и что посему мы не можем спорить, если вредящие нас создания приносят как в рассуждении целого мира, так и частно сторичную пользу. Второе, что вредные твари являются только в малом числе, и притом природа их побуждает от нас удаляться в места необитаемые, где они, не вредя нам, живут для намерения, предопределенного Создателем. Третье, что мы знаем уже отчасти и сами, полезное нам в естестве вредных тварей, например кожа и сало змеи, есть драгоценное лекарство от многих болезней. Четвертое, что против зла тварей вредных есть противоборства, оное уничтожающие, как-то: лев нас терзает, но мы его предворяем смертоносным ударом стрелы или пули; змее нас угрызает, но мы уничтожаем яд ее одним разжеванным конопляным семенем или холодной водой; ядовитый скорпион, сам утопленный в деревянном масле, помогает испровергнуть яд свой, и, наконец, даже черви те, о коих сказано выше, подобно всем нужным тварям чрез разрушение некоторых вещей приуготовляют материю, потребную к составлению чего-нибудь другого, и приносят к всеобщему обратному течению то, которое поддерживает действия природы и даров ее, коих возобновление нам необходимо нужно. Сверх сего к всеобщим выгодам стремящегося намерения, древесные черви, быв вредом для кораблеплавателей, суть сокровище для жителей севера. В холодных климатах мало родится хлеба, но изобильно смолы, черви сии принуждают привозить сюда избытки свои людей, коим нужно конопатить корабли свои, чтобы выменивать за

то изобильный продукт стран сих, смолу. Следственно, черви сии, кои кажутся не нужными быть в природе, вместе того утверждают к взаимной пользе союз народов, и как трудятся они в Амстердаме к выгодам Стокгольма и города Архангельского, так другие насекомые работают в сих северных странах к выгодам голландцев и доставляют им случай возить туда во множестве соль свою, чтобы сберегать чрез оную рыбу, кою они там вредят и кою в сих местах часто употребляют вместо хлеба. Но я за лучшее считаю ничего не ответственать тем, кои ничего не делают, кроме как ругают дела Создателя своего. Не противно ли разуму и почтению защищать поведения Божье? Делах Его наше одобрение не нужно. Премудрость и благость Его упадают отвсюду в глаза наши, если нам и трудно иногда отгадать намерения в делах Его, то сие доказывает только ограниченность нашего разума, но ни по чему недостаток Его щедроты. Все видимое нами в природе свидетельствует, что человек есть настоящее намерение всему, что Бог ни вместил в нашу землю, даже и тому, что нам вредно кажется. То, что называем мы злом, нередко бывает истинное добро и часто подает случай к таковым добродетелям, которые должно считать выше нечувствительности и покоя. Намерение Божье во всех вещах клонится к тому, чтоб нас во всем снабдить, просветить и наставить. Сия поражающая сердце истина не требует доводов, но нужно, чтоб мы ее помнили, и в том лишь состоит наша истинная премудрость. Тщетно будет, если мы хотя беспрестанно станем стараться испытать дела Божьей премудрости. Разум наш имеет теснейшие пределы, чтоб толь далеко достигать мог, одно только сложение глаза в комаре в состоянии утомить нас. Поистине сие есть бездна, в которой разум наш теряется. Но не таковое обстоятельство с Его благостью, которая для нас толико чудес творит. Мы не можем взирать на оную, чтоб не становиться совершеннее, и сколько благость сия не бесконечна, но однако ж в силах мы иметь за оную таковую благодарность и любовь, которой равномерно нет пределов.

Кажется, что Бог требует сего от нас, так велики распоряжения, кои обращает Он, что б мы благость Его никоим образом не могли оставить не приметя, хотя Он удивительнейшее в строении дел своих от нас и скрывает. Неизвестность сия приключает, что мы иногда то или другое считаем за бесполезное или думаем, что оное правосудию Божию противно. Истинное разрешение сей трудности находим мы все в Божьей благодати. Примеры объяснят мое мнение.

Между простыми цветами, коих надобность нам известна, находится множество махровых, в которых не бывает семечка. Зачем бы, кажется, украсить их толь великолепно, когда в оном нет пользы? Понеже весьма приметно, что махровые цветы состоят из нескольких других простых цветов, искусно соединенных и на одном стебле растущих, то ботаники думали, что изобрели нечто чрезвычайное, когда говорят, что находят в сих махровых цветах уродов. Не видимо ли что-нибудь отвратительное в махровом гиацинте? Есть ли какое безобразие в столыственном розане? Когда сии приятные растения ежегодно вновь появляются, то довольно ясно видимо, что оные не суть дело слепого случая, ни беспорядка, а предзаключенного учреждения и некоторого намерения. Не может ли намерение сие состоять в том только, чтобы усладить глаза наши и обоняние? Нет ни единого в свете растения, которое не имело бы другой пользы, как только взирать на оное, сия польза кажется тогда очевидной, когда таковые растения привозят из других земель и за редкостью сажают в садах своих, но не затем оные в тех землях, где премудрый Создатель определил их. Например, мы не употребляем тюльпаны, как любоваться, взирая на них, но они, напротив, служат к содержанию

целых татарских народов. Страны их во многих местах не удобны к земледелию, понеже плоски и ненаводнены, но трава растет на оных для скотов их, и между прочим несказанное множество тюльпанов. Из их корней варят они с молоком похлебку, весьма крепительную и здоровую. Прелестные краски цветов суть знак премудрости, чтобы мы через них скорее находить могли сии полезные корни, носящие на себе толь блестящий цвет, а не простая лишь игрушка естества, каковой премудрость Творца не занимается. Впрочем, премудрость уподобляется нежной матери, которая, заботясь о всем нужном для чад своих, не стыдится принимать участия в их забавах.

Исследование благости Божьей опровергает еще и другое возражение, которое еще величайший имеет вид, нежели прежде, т. е. можно ли отнести к правосудию Божью создание толь многих скотов, на один лишь убой назначенных. Всяк может разуметь, что должно оных убивать, ибо на земле нельзя бы обитать было, если бы числу и возрасту их не положить пределов. Однако ж нужно ли было их за тем создать, чтобы убивать? Когда мы против сего вопием, то сие равно, как бы вопияли против того, что мы слишком богаты. Когда нам кажется непристойным, что Бог создал скотов, способствующих к нашей пище и одежде, то столько ж непристойным быть должно, что Он о нуждах наших печется. Бык есть не только преизрядное питательное средство, но притом и одушевленное, которое, бродя, само себе пропитание снискивает, и без противления человеку отдается, когда ему то нужно. Следственно, в сем есть сугубое благодеяние.

Человек вокруг себя имеет множество одежд и съестных припасов, которые мало-помалу сами собой достигают в свое совершенство без его о том попечении. Вещества, его покрывающие, питающие и домовую утварь ему доставляющие, имеют зубы и желудки, чтоб себя питать, оружие для своей обороны, крылья, ноги, перья, чтоб к человеку приблизиться, сказать словом, они имеют силы жизненные и силы движения, дабы они без отягощения человеку до тех пор были в добром состоянии, пока угодно будет ему употребить оных. Впрочем, полезные скоты сии могли бы размножиться безмерно и число их учиниться превосходнейшим, нежели требуют наши нужды или могло бы содержать их назначенное им в пищу средство. Ручные скоты заразили бы воздух, если бы по смерти их не зарывали в землю, ибо невозможно человеку успевать делать им погребение, но и о сем видимо попечительное учреждение. В лесах, в водах и в земле есть хищные звери, кои беспрестанно стараются помочь сему вреду, оные ищут все то поглотить, что нам вредным и излишним быть может. Вложивший в них склонность жрать мясо, предвидел, что они услуги свои нам иногда прострут слишком, нежели нам надобно, но Оный ведал, что сие не преступить далее нужного, понеже для человека столько ж необходимо, чтоб его наказывать или наставлять, как и оказывать ему помощь. Величайшие приносятся ему выгоды, когда он трудолюбив и на все случаи ведет себя осторожно, нежели когда впадает в нерачение и леность.

Все, на что ни взглянешь, свидетельствует, что Бог поставил человека царем на земле над всеми прочими тварями и дал ему разум, приводящий его в состояние нести сие правление. Хотя оный не имеет таковой быстрости, как птицы, кои помощью крыльев своих в мгновение исчезают из глаз и опять появляются, хотя он не имеет таковой силы, как звери, вооруженные рогами, острыми когтями и убивственными зубами; и что больше еще, природа не дала ему и одежды, он родился без перьев, без шерсти и без чешуи, чем бы охраниться от суровости погоды. Пристойна ли пшюта сия для владетеля земли? По он имеет разум, а потому он богат, силен и изобильно снабжен всеми надобностями. Разум научает

его, что имеющееся у прочих тварей ему надлежит, что оные настоящие его невольники и что услуги их обще с их жизнью состоят под его повелением. Понадобится ли ему на стол дичина, нет нужды ему самому за ней гоняться, ему следует только послать выученную собаку или сокола, и все будет принесено, чего он хочет. Пожелает ли он по времени года переменить носимые им одежды, овца предлагает ему свою волну, земля свой лен и бумагу, а шелковый червь прядет для него легкий и великолепный наряд. Твари питают его, охраняют его, сражаются за него, возделывают его пашни и развозят его товары.

Человек есть средоточие дел Божьих на земле, он есть намерение оных, на нем утверждается все согласие оных. Возьми только разум от земли, представь себе, что человека нет на свете, в то мгновение исчезнет союз в делах Божьих. Пусть и без него будет земля приносить плоды свои, но все сии богатства не что иное будут, как погибшие сокровища, кто соберет их и употребит на нужное? Скоты разбредутся либо в страны холодные или в самые жаркие и неплодные, придет зима, и они погибнут без пищи, плотоядные животные не будут иметь пропитания, в изобильных же местах хищные звери умножатся, истребят скот травоядный и тем истребятся сами. Воздух заразится от трупов, померших с голода, и остаток живущего погибнет. Положим, что животные и останутся живы, но на что они, когда нет над ними правителя и могущего свойства их употребить на пользу и услуги их соединить с собственной их выгодой. Конь и бык по своей отменной силе в состоянии носить тяжкие бремена, ноги их вооружены рогом, выдерживающим жесткий путь, когда ж бы они не делали ничего, кроме как поедать на полях траву, на что бы давать им таковую силу и толь твердые копыта? Овце тяжесть волны и нечистота, к оной прилипающая, были бы в бремя, дойные скоты не имели бы выгоды в изобилии молока своего. Повсюду бы не находилось [ничего], кроме вещей ненужных и самим себе противных. Недра земли наполнены камнями и металлами, годными лишь для обделывания, но зачем они, если б не было того, кто может их употреблять в строение? Поверхность земли была бы великий сад, в котором никто не утешался бы, вся природа – великолепное зрелище, которого никто не видал бы. Поставь же человека на землю, очисти только место для разума, тотчас повсюду узришь премудрость, союз и единство. Все, что кажется созданным не ради человека, а для растений и скотов, есть не меньше для него только, ибо растения и скоты не имеют иного намерения, как только служить ему. Комар кладет яйца свои в воду, из оных выползают червячки, обитающие несколько в воде до исшествия своего на воздух. Сии червячки суть обыкновенная пища рыб, раков и водяных птиц. А от сих человек имеет пользу, следовательно, все для него и даже от комаров имеет он выгоды. Посему он только соединяет все вещи между собой, и оные не имеют намерения, кроме человека. Присутствие его есть союз, составляющий из многих разнообразных частей одно целое.

Ни в которое время не было недостатка в непокоривых и вздорливых умах, есть еще и поныне, которые данную человеку власть владеть всей природой насмешливым образом опровергают, вместо чтоб приносить Творцу благодарность за оную. Сии именуют господство человека над животными тиранством и прямым насилием, они не довольствуются тем, что сами себя лишают своего права, но сверх сего возвышают право животных и прилагают еще им рассудок.

Ответ на сие возьмем мы не из картезиевой философии, как говорит он: "Мы для того только имеем свободную силу поступить с животными по нашему изволению, понеже сии только единые машины суть"⁶, то основывает он весьма

известное право на очень неизвестном. Человек ведает, что знание его требует обитать на земле, возделывать оную и употреблять в пользу плоды ее. Он вкушает сии, ибо они способны ему к тому кажутся, и по сей же причине одевается он кожами животных и питается их мясом, ему не можно испытывать естества сих вещей прежде оных употребления. Какая вышла бы для него польза, если бы он разумел, что такое собственно есть солнце, прежде нежели начал ходить, оным освещаемый, или бы знал естество камней, прежде строения из них себе жилища, или бы естество навоза, прежде нежели возымел понятие о возделывании пашни? Следственно, не нужно ему пространное исследование, от чего животные имеют жизнь. Он не узнает сего, равно как о естестве солнца, камней и навоза, внутреннее обстоятельство сих вещей от него сокрыто, однако же ведает он, что оные полезны. И как всевышнее Существо являет толь великое попечение доставлять нам оные во множестве и ежегодно, то сие довольный знак, что употребление оных нам позволяет.

Когда захотеть объяснить естество солнца или души животных, будет то труд тщетный, яко клонящийся к неизвестным и непосягаемым вещам. Обрати ж сие прилежание к испытанию намерения и благодати того, который животных во множестве производит, равномерно к рассмотрению пользы, которую оные доставляют, тогда без труда уразумеет столько, сколько нам ведать нужно, а именно, что души животных суть источник их жизни и их способности нечто разуметь, которого действие учреждено по обстоятельству наших надобностей.

После трудов потребно нам увеселение, мы находим окрест себя забавных зверьков, оказывающих нам истинное дружество, непремennую верность и в себе вид некоторого разума; потребно ли нам жилище, одежды, пища, ехать ли из места в место, помощь в том оказывают животные в изобилии, и навсегда подвергаются нашим повелениям. Оные не ведают ни о своей силе, ни о предстоящей опасности, они ничего не знают, как только искать себе корма и нам повиноваться. Ежедневно почти в большие города гоняют стада страшных быков, но уклоняются ли они с пути, им назначенного? Нет, голос и взгляд ребенка, ими управляющего, приводит их в мгновение к послушанию. Возможно ли отрещи тайную силу, являющуюся в сем последствие, принуждающую их быть близ нас?

Между тем, когда б все животные, могущие быть человеку полезны, обитали вокруг его, они бы нанесли ему больше беспокойства, нежели оказывают пользы, и большая бы часть земли лежала впусе без живых обитателей. Дабы все наполнить и человеку довольное пространство доставить, другой половине животных дана совсем отменная склонность. Оные имеют дарование сами промышлять о себе, свойство их имеет в себе неукротимое, робкое и дикое. Они рассекают воздух с неистовством, скрываются в леса, убегают от человеков, а тем избавляют оных от скуки, которую навлекло бы их неприятное общество и несказанный труд удержать их в порядке, но род жизни их и их убежище не укрыты от человека, и оный повсегда знает, как их сыскать. Что таковым образом склонности животных не одинаковы и что, следственно, оказывают они совсем различные побуждения питать себя и избирать себе жилище, сие все должно приписывать Божьей благодати и провидению, учредившим все к выгоде человека. Для него только твари проворны или неповоротливы, понятны или глупы, кротки или дики, мы долженствуем с таковой же благодарностью и удивлением признавать, что часть их бегают в неукротимости и дикости, как и то, что прочие кротки и с нами обитают. Самая ж сия благодать, которая их к нашей пользе неодинакой способностью одарила, учинила сие благодеяние еще бесконечно

драгоценнее, что оные заключила в некоторые пределы, коих твари никогда не преступают. Удивляются некоторые, что твари, невзирая на оказывающийся в них разум, разумея друг друга и благорассудным образом добывая для себя содержание, но никогда не пекутся род сей жизни сделать выгоднейшим через новые изобретения, что они не оказывают желанья знать повесть своего поколения, что не заботятся о учреждении света, не открывают в себе хотения к вере, и ниже малейшего знака из сего не являют. Если бы они имели истинный разум, то сии вещи были бы неминуемые оного последствия, потому они получили ума столько, сколько нужно им оного к пользам человека.

Все бы пришло в расстройство на земле, когда бы твари были разумнее, нежели есть. Когда бы ворон просветился в понятиях, он бы гнушался своей обыкновенной пищей, если бы бык стал разумнее, он сверг бы свое иго, рассуждающая лошадь стыдилась бы узды своей и покорности, умствующая собака отказалась бы от черствых корок хлеба и питалась бы сама ловом свежей дичины, вместо того что носить оную своему хозяину.

Коль скоро животные получили бы употребление разума, тотчас бы возомнили они иметь право к вольности. Следственно, оттого они лишь склонны к покорности, что им недостает разума, и потому идет сие в нашу пользу, что хотя они все и в состоянии что-нибудь предпринимать, но не в состоянии разуметь что-либо множайшее.

Вняв с прилежанием все вышесказанное, не признаетесь ли вы, государь мой, что рассмотрение природы научает нас познавать Творца нашего, оно показывает нам о Его единстве, Его силе, Его премудрости и благодати, я вижу, что все созданное от Него хорошо, что все злое, мне встречающееся в естестве, либо было необходимо для союза в целом добром, или не есть злое в намерении и кажется мне противным Божьей благодати, потому только, что слабые мои понятия не постигают следующей из зла нравственного и естественного пользы, которая, однако, должна быть, когда вся природа уверяет нас о Его благодати и милосердии, против поставляя малому числу зол несчетное добро. Но благодать Божья и еще явственнее открывается тем, что дала нам защиту от всех временных зол сих в нашем разуме, и вред, нами претерпеваемый, есть явное наказание за небрежение наше вложенной в нас Создателем осторожности. Например, змея вредна ядовитым своим угрызением, но она не прокусывает сквозь обувь, и кто виноват, если я пойду босый? Зверь может растерзать меня, но он не учинит сего, если я осторожен? Самое падение Лиссабона от землетрясения не есть ли явное наказание жителей его в пренебрежении осторожности против сего естественного зла, толь многократно их побуждавшего осмотреться? Впервые ли в 1755 году землетрясение напало на сию столицу Португалии? Нет, многократно разоряло оно тамошние высокие здания, не раз уже тесные их улицы мешали спасаться жителям, и низкие дома, деревянные жилища, поля ровные в двух только милях от Лиссабона доказывали, что в оных не таково опасно, как в палатах о трех и четырех жильях в самом городе. Для чего бы португальцам не взять сих предосторожностей? Если бы город не был стеснен, если бы здания были ниже, вред был бы очень сносен или не было бы никакого; и следует ли винить благодать за то, что мы упрямы и не хотим взять предосторожности в местах опасных? Надлежит ли порядку мира переменяться для нашего упрямства, и обязан ли Создатель делать для того чудеса? Много приключений, поражающих нас больше или меньше в рассуждении образа, под коим мы рассуждаем об оных и которые довольно теряют из своего ужаса при первом рассмотрении, когда обстоятельнее оные исследуем.

Зачем человеку стараться увеличивать зло естественное воображениями, когда всякое зло не есть конец нашего предопределения? Справедливо ли господин Волтер делает, когда, уклоняясь от чувствования всюду видимой Божьей благодати, ищет привести нас в отчаяние, отвергая промысел о нас Бога милосердного? Не лучше ли бы ему было вместо "Всесовершенный Бог зла не может про-известь, инако нет Творца, а зло есть на свете", когда бы он сказал: "Благодать Божья довольно видима во всех делах Его, чтобы можно было заключить Его попустившим зло без необходимости, что сия благодать Его ведет нас к намерению высочайшему, непостигаемому нами, сквозь все проникновения зла временного, что сия благодать не тщетно подвергает нас терпением и что она не была бы уже благодатью, если бы мы измученные погибали". Какое сладкое подкрепление излил бы он тем в сердца наши! Сколько бы увеличил нашу любовь, веру и надежду к всемогущему, всеблагому, правосудному и всесовершенному Создателю! К сим-то предметам должен человек обращать всю силу своего разума, а не на то, чтобы по неизвестным только воображаемым причинам, коих потребности и намерения он не постигает, роптать против своего благодетеля, против Отца, разливающего пред ним от начала до конца мира Свои щедроты, пекущегося не только о нем, но и том черве, который родится имеет через несколько тысяч лет. Не безумие ли выводить толки о свойствах и намерениях Непостижимого, когда мы с нуждой и несовершенно можем только разбирать свойства и намерения подобных нам человеков? И не достойно ли омерзения нашего, когда в сих толках является против милосердного Творца роптание и неблагодарность? Человек толь великого разума, каков Волтер и подобные, могли бы дарованиями своими утверждать понятия наши о Божьем промысле, а не развращать нас и не затмевать оные. Век наш довольно свидетельствует о вреде, произведенном частью их сочинений. Благодарение небесам, я избавлен от зломыслия сего моими чувствами, оные подкреплены чтением сочинений г. Эйлера, Руссо и де Плюша⁷. Я читаю сего рода труды Волтеровы с жалостью, я бы мерзил оными, если бы не помышлял, что и Волтер был человек, великим погрешностям подверженный. Всегда бывали из людей против Бога неблагодарные, но Бог всегда оставался и останется к ним благ, сострадающ и милосерден, понеже погрешать есть свойство смертного, а прощать и миловать – Нескончаемого.

Прикрепитесь, государь мой, к сим понятиям о Боге, презрите людей, представляющих Бога немилосердным, в Нем нет тех свойств, каковые изобретают распутные умы в сердцах своих, взирайте на чудные дела Его в природе, исследывайте оные, сколько представлено мере вашего понятия, и вы увидите всюду знаки Его благодати. Не думайте, чтоб прилежное рассмотрение естества лишь только открыло Его благодати, сколько описал я выше сего, оное приведет вас к множайшей обязанности Творцу своему, оное возвысит вам собственную вашу цену и докажет вам о бессмертии души вашей.

Рассматривая природу, понимаю я, что Бог создал меня лучшим, нежели все то, что окрест меня. И к удовольствию моему вижу я различие между ограниченной способностью животных и моим разумом, который возносится даже на небеса и даже до Начальника существа моего. При сем встречается мне новое и гораздо величайшее преткновение, то проницание и удовольствие, которое Бог человеку сообщил в толиком избыточестве, трогают меня до внутренности, но со всем тем блаженство, мной вкушаемое, соединено с беспрестанным беспокойством и неудовольствием, чем далее восхожу я в моих познаниях, тем желательнее

становлюсь я простираться в оных еще далее, и я стужаю уже о тесных пределах моего разума. Хотя владею я целым светом без всякого прекословия, но ощущаю, однако, в себе, что я в состоянии еще обладать и вкушать величайшее блаженство. По меньшей мере недостает к удовольствию моему главнейшей оною части, а именно оною продолжительности и неперменности. Тот, который меня осыпает радостью при каждом начале дня, который возбуждает во мне толь живое удовольствие, когда я новую какую-нибудь истину открываю или какой ни есть преизрядный плод вкушаю, без сомнения, мог бы мне даровать и величайшее блаженство с неперменяющимся оною продолжением. Я понимаю, что Богу возможно учинить сие, я желаю оное получить, и я наверно надеюсь, что получу сие. Хотя все человеки умирают, но они все имеют таковое хотение и одну таковую ж надежду, как и я, и, невзирая на смерть, все народы ожидают будущего блаженства. Бог, который влагает толь великий порядок в тела, не меньше сего вложил и в души. Его премудрость и Его благодать пребывает во всех частях равномерна. Он не пренебрегает своего слабого создания, ниже возбуждает в нем обманчивое впечатление в непобедимом желании к блаженству, коего не хотел бы дать ему. Каждая тварь, следующая насажденному в себе побуждению, достигает намерения.

Бог сообщил ногам нашим проворность, и мы употребляем помощь оных к прехождению из места в место. Бог дал перстам нашим возможность сгибаться и разгибаться и разные к тому составы, чрез что они к бесчисленным действиям способны, почему употребляем мы оные с счастливым успехом, когда что-нибудь хватаем и работаем. Бог вложил в нас голод и жажду, но при том предложил нам изобилие пищи и поила, чем и удовлетворяется сие сугубое хотение природы.

Когда Бог таковым образом учредил две вещи, что одна из них содержится для другой, то не бывает сие никогда тщетно. Следственно, не может быть понапрасну и обманчиво и то, что Он во все времена и во всех местах вкоренил в сердца человеческие непобедимое и непрестанное желание к величайшему понятию и блаженству. Посему, без сомнения, алчем мы не бесплодно, и глад к нашему блаженству будет утолен. Не противно ли бы было Божьей благодати и правосудию влагать в тварь хотение, которое приключало бы ей одно только беспокоящее понятие и было бы только мечта, чтобы мера познания человеческого, расширения его разума, приходящего постепенно к совершенству, в старости сего века рушилась бы со смертью? Нет, сего не будет, и мыслить толь дерзко о Божьем милосердии вина тяжкая. Он ничего не делает, чтоб уничтожить. Мы видим сие и в сей еще жизни в том, что все тела, разрушаясь, подают причину к новому бытию, куда ж бы, впрочем, обратить наши духи, кои по всем доводам логики и физики уничтожаться не могут?

Сие то, государь мой, важнейшее доказательство о Божьей благодати и о бессмертии душ наших доставляет нам здравый разум и свидетельство целого естества. Довольно только оною на опровержение всей системы Волтеровой, и я не ожидаю, чтобы вы потребовали дальнейших возражений.

Что же надлежит до камня преткания, который не меньше содержит часть Волтеровой хулы на Бога, т. е., зачем попустил Он в мир зло нравственное. Не думайте, государь мой, чтоб и оное составило неоспоримую справедливость к стороне сего развратителя; есть доводы, кои докажут вам неосновательность его мнения, и, кажется, достаточно будет на то и слабого моего познания, к чему и приступаю я, приняв за правило мысли людей, защищавших истину сию с ревностью. Может быть, найдут иные, что следующие доводы не совершенны, но

сие скажут они лишь языком, а не согласиём сердца. Упорство и непокоривость сродни человеку. Как бы то ни было, внимайте, государь мой!

Мы о естестве духов ничего сказать не можем, но что оные есть, сие достоверно. Причина жизни нашего тела, душа, познается по следующим ее свойствам: что она может рассуждать, умствовать, чувствовать и хотеть, чего вещество тела иметь не может. По доводам метафизическим {Из тех, кои неоспоримы.} телам свойственно лишь протяжение, грубость и непроницаемость – качества, совсем лишенные чувствования; а что мы можем думать, рассуждать, умствовать, чувствовать, хотеть или избирать один из двух предметов, сие действие оказывает в теле душа.

Господин Эйлер говорит негде: "Некоторые философы думают, что Бог в вещество или материю влил способность мыслить. Сии философы суть те же самые, кои утверждают, что Бог дал телам качество взаимно привлекаться, но сие было бы то же, как бы Бог непосредственно тела толкал одно к другому и ежели бы материи дана была способность мыслить, в таком случае уже Сам бы Бог мыслил, а не тело"⁸. Усомнитесь ли вы, государь мой, о том, что, конечно, вы сами мыслите в себе, а не посторонняя сила? Следственно, не тело ваше размышляет, а существо, весьма от тела различное, т. е. душа ваша.

Богу невозможно было создать человека, чтобы лишить душу его воли, ибо тогда была бы она не существо, имеющее в себе разум, но такая же машина, как человеческое тело, которое она оживотворяет и управляет. Союз души с телом составлял бы только машину, часам подобную, в которой душа была бы пружина, а колеса и указатель времени – тело, и все бы действия их были б только попеременным следствием сложения их. Представим же себе в сем мнении человека. Пусть будет он вор и ограбит вас по дороге, удары, кои он произведет на ваше тело, и приемы рук его, коими отнимет у вас деньги и платье, будут только непременно действие машины, равно как на часах движение стрелки, которая показывает пять, или восемь, или двенадцать часов. Заключите, не смешно ли бы было наказывать часы, что они показывают разделение времени? Равномерно и вор в сем положении свободен бы был от казни за то, что вас ограбил и бил, ибо то было бы лишь действие его машины. Итак, отнимая у человека волю, все действия его будут уже необходимы и неподвержены исследованию, законны они или беззаконны. Бог бы был причиной всех злых дел, что думать нечестиво в рассуждении Божьей благодати.

Все затруднения, восстающие против воли, кажутся непреодолимы от того только, что не делают довольно различия между естества тел и духов. Все перемены, в телах случающиеся, относящиеся до их покоя и движения, суть непременно следствия действующей на них силы. Следственно, сами они никакого действия не имеют, а сие действие их, к коему они принуждаются, ни похвалы, ни охуления не заслуживают. Заключая же, что тела сами собой действовать не могут, равным образом не могут оные быть подвержены ни наказанию, ни награждению, а все действующее оными относится в вину или похвалу причины их действия, т. е. души.

Итак, духи суть совсем другого свойства, и деяния их зависят от причин, совсем прежним противных. Как воля совсем исключается из естества тел, так, напротив, есть она существенная участь духов. Когда дух без воли быть не может, потому оный быв властен располагать делами своими, повинен и ответствен за оные. Сие так свойственно духам, как телам протяжение и непроницаемость, и как всемогуществу Божию невозможно было от тела отнять сии качества, равномерно и

духов нельзя было лишить воли, ибо дух без воли был бы уже не дух, как и тело, не имеющее протяжение, не было бы тело.

Воля влечет за собой возможность грешить. Почему, когда Создатель сотворил в мире духов, то от сего произошла возможность греха, и одного отворотить никак невозможно было, разве бы не сотворять духов. Но, невзирая на все жалобы против греха и плачевных следствий, от него происходящих, благодать Божья не была повинна в сем зле и избавляется от всех нареканий.

Бог хотел создать тварь, которая могла бы Ему уподобляться и участвовать в Его блаженстве. Сия с несказанной любовью и милостью произведенная, имеющая право на толь возвышенное требование тварь – есть человек, ибо всякий видит, что во всей природе не находится другое создание, кроме него, имеющее в себе яснейшие знаки подобия к Творцу своему и способнейшее принимать и чувствовать Его благоденствия. Но мог ли бы он принимать и чувствовать блаженство, к коему предназначен, не имея воли, следственно, и разума? Сие столько же невозможно, как и то, что душа была душой, не быв душой. Машина, действующая по своему расположению, не заслуживает наказания ни за какое свое действие, равномерно не заслуживает она и награждения. Но вы, государь мой, читающий мое предложение, внимающий мои доводы, соглашающийся с заключениями и могущий опровергать оные, позвольте спросить себя, чем понимаете вы то, что в чтении сообщают вам глаза ваши? Что с заключениями по доводам моим принуждает вас соглашаться или принуждает вас к противным заключениям? Я отвечаю за вас, что вы поспорите признать сие за действие вашего рассудка, а признав в себе рассудок, тотчас согласитесь, что оный имеет в себе волю, ибо без оной ни верить моим заключениям, ни отвергать оных вы бы не могли. Теперь еще вопрошаю вас, думаете ли вы, чтоб сии столь ощутительные силы разума и воли были только действие машины вашего тела, а не постороннего оным действующего существа? Конечно, душа ваша возгордится унижить себя отречением от самой себя и свободный выбор своих заключений отнесет к самой себе, а не к машине своего тела, от которого отделение свое, союз с ним и разноту от одного существа своего довольно чувствует. Теперь спросите сами у своего разума, хочет ли он, чтобы он был только машина? Желает ли он отречься от своего права, от столь великих свойств своих? Хочет ли он не хотеть блаженства, к коему ощущает в себе непреодолимое стремление и способность вкушать оное? Знаю, что он не согласится лишиться права на свое блаженство, и охотнее пожелает достигнуть одного с терпением, пожелает, чтоб было наказание за его погрешности, нежели терпеть только затем, чтоб уничтожиться и не получить награждения за дела, кои он сам считает и познает, что они Создателю его угодны. Ежели б мы были созданы не к величайшему блаженству, когда бы мы были только машины, то следовало бы, когда мы не можем быть способны ко вкушению добра, так равномерно неспособны бы были к отвращению от зла, каковую разноту всяк в себе довольно чувствует. Остановитесь, государь мой, на сем месте и углубитесь в прилежные рассуждения, и тотчас узнаете вы истину, что Богу нельзя было бы дать вам никакого блага, если бы вы были неспособны принять оное. Собственные чувствования ваши представляют вам, что Бог предлагает вам оное, но притом в сих же чувствованиях находите вы посредство, которым Он требует вашей к тому заслуги. Заслуга сия состоит в том, чтоб вы старались уподобляться Ему по вашим силам. Бог не имеет в себе ничего злого. Он дал вам разуметь, что есть зло. Он хочет, чтоб вы к злу имели отвращение и прилеплялись к добру, были бы Ему подобны, без чего невозможно вам участвовать в Его блаженстве. Но помыслите с

коленипреклонением вашего сердца о чрезмерной Божьей благодати и к человеку любви, не взирая, что Он создал его самовластным избирателем средства, хочет ли он к Нему через доброе приближаться или через злое удаляться? Он вложил в нас таинственную, но явственную и непреодолимую силу против желания нашего мерзить злом. Он, предвидя, что мы не можем делать злого, учинил, что мы оногo ужасаемся. Мы впадаем в оное по свободной своей воле, но против воли своей гнушаемся тем, проклинаям оное и осуждаем себя в том сами. Напротив же, обожаем всякое доброе дело, производим оное с восхищением и делаем сие также по свободной воле, но уже не по своей воле внутренность наша ощущает тогда сладкое удовольствие, тишину в душе и веселье. Сие есть присутствие Божества в душе нашей, старающегося подкреплять течение подвигов наших в временной сей жизни, пекущегося нас приблизить к Себе, соединить с Собой против всех наших упорств и заблуждений.

Вопросите себя, государь мой, что такое есть внутри нас совесть? Вы без труда различите оную от вашего разума и от вашей воли, вы узнаете, что сие свойство есть нечто отдаленное от вашей души и тела, ибо когда бы оное заимствовало от разума вашего и воли, вы бы могли отогнать оное от себя, в случае же как мучит оное вас нестерпимо за какое-нибудь злое действие ваше, но нет, вы не властны, сие уже зависит не от разума вашего и воли.

Можно с довольным основанием сказать, что обстоятельство воли человеческой есть таковое ж, как и с волей всемогущего Бога. Воля Бога не делает ничего без рассуждения и при личности, все предпринимаемое ею управляется премудростью и любовью к порядку. А для самого сего, дабы Всевышний мог в человека впечатлеть совершенное подобие свое, учинил Он его способным предусматривать полезность, взаимство, умеренность, порядок и пристойное, которые препровождают или побуждают все деяния его. Человек не предпринимает ни малейшего действия без намерения к каковому-нибудь успеху, он удостоверен в своем сердце, что намерение его долженствует быть праведно и благопристойно, он ведает, что у него есть надзиратель и судья, от коего ничто не укрывается, в сердце его написано, что есть добро и что зло, деяния его судятся собственной его совестью, которая вопиет на него и его осуждает. Положим, что он иногда не хотел бы слушать сего голоса, но оный не перестает увещевать его. Хотя совесть не всегда имеет власть отвращать человека от злых обычаев или удерживать оных последство, однако ж не допускает его грабить спокойно, она укоряет его, она беспокоит его посреди всех роскошей. Внутренность души его носит с собой всюду свидетеля, знающего все его помышления, верного советника и беспристрастного судью, который добрые дела его восхваляет, а злобные – без милосердия проклинаяет. Что должно, что благопристойно, что добро и похвально, то втайне превозносит ему его совесть и побуждает его к тому стремиться, когда ж человеку нравится нечто ложное, несправедное, подлое, мерзкое и постыдное, то всегда совесть представляет ему гнусность оногo сначала еще, поколь не совершено еще преступление, голос ее уже человек слышит. Хотя оный и будет им отвергнут, произойдет сие с великим беспокойством, сие будет только утайкой или когда бунтующие страсти заглушат глас совести с таковым усилением, что человек в сие мгновение не спросит ни о справедливости, ни о пристойности, однако по совершении злодеяния совесть начнет грызть его и напишет ему живо весь срам оногo, она растерзает ему сердце, ибо покажет подробно, в чем он отступил от желания Создателя своего, какие втайне безбожные имел намерения и как лицемерно он действовал. То, что желал бы он скрыть от самого себя, она

представляет ему в нестерпимом свете, глас совести оказывает себя повсюду. Он был и есть во все времена и всех народов одинаков. Отвращение к пороку и ужас поступать против порядка прежде, нежели сделаны законы, понеже сии не иное что суть, как пространное или краткое повторение того, что предписывает нам всеобщий закон, который имеем мы внутри себя. В Риме и Афинах осуждали за воровство, пре любо действие, измену и тиранство задолго прежде, нежели таблицы законов всенародно были выставлены. Все древнейшие повести, кои мы имеем о некоторых народах и славных мужах, наполнены омерзением к порокам и похвалам добродетелям. Зачем читаем мы таковые повести толь охотно, когда оные столь удалены от наших обычаев и деяний? Без сомнения, оттого только, что совесть наша втайне с оным согласуется. И так видите из сего, государь мой, сколько любви оказывает к нам милосердый наш Творец; Он неумолкно печется удержать нас в достоинстве, к которому нас предопределил. Он, так сказать, насильно влечет нас в свои недра, не взирая на упорство нашей воли. Возропщете ли вы теперь на Него за то, что Он создал вас способных чувствовать зло, терпеть оное, уклоняться в оное, когда Он без того не мог дать вам неисповедимого блаженства, к коему вас предназначил? Зло нравственное началось с бытием человеков, но тогда же началось в человеке и отвращение от оногo. Не ясно ли из того, что Бог присутствует всегда с нами и под видом совести старается подкреплять нашу волю во благое.

Говорят некоторые, между коими и г. Волтер, что Богу можно было создать так разум и волю человеческую, чтобы оные к добру имели стремление, а злое учинить никак не могли. Не смешно ли, государь мой, таковое требование для здравого разума? Что бы была то за воля, когда бы она была ограничена? Расположение, по которому мы созданы по образу и подобию Божию, уже бы исчезло, коль скоро отнять что-либо у воли, ибо уже то не была бы воля. Разум, яко неразлучное с волей свойство души, не мог бы удержаться, без разума же что б мы были за твари? Чем бы мы достойны были участвовать в Боге? И чем бы мы чувствовали свое блаженство? Сие было бы точно то, когда б я в саду моем, украсив оный возможным образом, поставил статую и похотел, чтобы она имела удовольствие чувствовать то, сколько я до нее добр, дав ей такое прекрасное жилище. Напоследок привожу я отчасти и то, что говорит г. Эйлер в своих физических и философических письмах, каким образом зло мира сего можно согласить с благостью и премудростью Создателя?

"Решение сего, без сомнения, основано на истинном определении человека, разумной твари, коего бытие неограничено сей жизнью. Как скоро теряем мы из виду сию важную истину, так скоро впадаем в величайшие затруднения, и ежели бы человек был создан только для сей жизни, то никак бы не было средства оградить совершенств Божьих от неудобств и злоклучений, в мире сем царствующих. Но как скоро помыслим, что сия жизнь не что иное, как начало бытия нашего, и что она должна служить к приуготовлению нас к другой бесконечной жизни, то вид совсем переменится и совсем другим образом должно будет рассуждать о зле, коим мир сей кажется преисполнен. Благоденствие, коим мы в мире сем наслаждаемся, ни мало не служит к приуготовлению нашему к будущей жизни или чтобы сделать нас достойными благополучия, нас ожидающего. Сколь ни нужно кажется к благополучию нашему обладание богатств мира сего, но мы истинного блаженства нигде, кроме Бога, обрести не можем, все другие утешения не что иное, что суть, как слабая тень, и в короткое время минуются. Мы видим, что те, которые ими избыточествуют, скоро ими

насыщаются, и сие мнимое благополучие единственно служит к воспламенению желаний и к возмущению страстей, удаляя их от истинного блага. Но как истинное блаженство состоит в соединении с Богом, которое места иметь не может, ежели мы не любим Бога паче всего и не имеем совершенной к нему надежды, то явно есть, что для сей любви потребно некоторое расположение души, к которому должны мы приуготовить себя в сей жизни. Сие расположение есть добродетель, без которой не можем иметь ни малейшего участия в сем благополучном союзе с Богом и в бесконечных сладостях любви Его. Основание добродетели заключается в двух главных заповедях: "Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всею мыслию твоею"⁹. Потом: "Возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе"¹⁰.

Всякое другое расположение души, с сими заповедями несогласное, есть порочно, но и душа таковая недостойна быть участницей истинного блаженства. Как глухой не может наслаждаться прекрасной музыкой, так в пороках погрязший человек не может наслаждаться блаженством вечной жизни. Грешники лишены оной будут, и сие последует не от самопроизвольного Божьего определения, но от самого естества вещи, потому что беззаконный человек сам собой неспособен наслаждаться вечным блаженством.

Ежели мы, таким образом, посмотрим на учреждение мира сего, то увидим, что не можно лучше оный устроить в рассуждении сего намерения. Все приключения и самые бедствия, нами претерпеваемые, суть наилучшие средства, чтобы довести нас до истинного благополучия. Когда я размышляю, что ничего со мной не делается слепым случаем, но все приключения, провидением управляемы, бывают к устроению моего благополучия, то помышление сие колико должно восхищать мысли мои к Богу и исполнять душу наичистейшей к Нему любовью! Все, которые взирают таковым образом на все им приключающееся, будут иметь утешение уверить себя, что Бог о них особое имеет попечение. Но сколь ни действительны суть сии средства, однако не делают они принуждения духам, которым вольность есть толь существенна, что и малейшее принуждение места иметь не может. Опыты часто научают нас, что, прилепившись к мирским сладостям, делаемся мы нечувствительны к сим спасительным побуждениям. Во зло употребляя все сии средства, человек от часу становится к порокам склоннее и удаляется от пути, ведущему к благополучию. Отсюда познается истина догматов, веру нашу составляющих, которые научают, что грех удаляет от Бога род человеческий и делает его неспособным к достижению истинного блаженства.

Ежели истинное блаженство состоит в соединении с всевышним Существом, о чем невозможно и сомневаться, то, чтобы наслаждаться сим блаженством неотменно, требуется с нашей стороны некоторое расположение, основанное на совершенной любви к Богу и к ближнему, так что все неимущие сего расположения никаким образом не могут быть участниками блаженства небесного, и беззаконники по существу своему совсем исключены из оногo, и самому Богу невозможно сделать их участниками оногo блаженства. Всемогущество Божье простирается только до таких вещей, кои по существу своему суть возможны, и вольность всем духам есть толь существенна, что никакое принуждение места иметь не может. Итак, духи не могут инако преклоняемы быть к добродетели, как побуждениями, но какие побуждения могут сильнее быть, как имеющиеся в учении христианском? Рассудите только о спасительном действии ниспослания Спасителя нашего, не проникая в тайну самого искупления нашего, которая несказанно превышает слабый наш разум. Действие, о котором мы уверены самым опытом, не

может быть дело какого-нибудь оболъщения или человеческого обмана, оно столь спасительно, что никому, как Богу, приписать оно не можно, и совершенно согласуется с непреоборимыми выше сего положенными началами, что духи инако управляемы быть не могут, как одними побуждениями. Обращение *человеческое* никак не может происходить принуждением от Бога, как некоторые воображают, что одного определения Божия довольно, чтобы наивящий грешник в мгновение ока сделался добродетельнейшим. Ибо когда человек обращается, то без сомнения употребляет к тому свою волю, которая не может терпеть ни малейшего принуждения, но всегда побуждаема какими-нибудь причинами. Сии побуждения преподаваемы ему бывают обстоятельствами, в которых находится и которые единственно зависят от Провидения, располагающего все приключения мира сего согласно с законами Своей бесконечной премудрости. Посему всегда Бог преподает людям наиспособнейшие обстоятельства, из которых они бы могли почерпнуть наисильнейшие убеждения к своему обращению, так что они обстоятельствами, ведущими к спасению, Ему единому бывают обязаны. Бог, созидавая мир, так устроил все бываемые приключения, чтобы каждый человек всегда в таковых обращался обстоятельствах, которые были бы для него наиспасительнейшие; и блажен тот, кто тщится обратить оные в свою пользу!"¹¹.

Видите ли, государь мой, что писал сей просвещенный человек г. Эйлер. Теперь различите, кто из них употреблял истинно свой разум, он ли или Волтер с своими последователями? Один тщится поспешествовать чувствам ближнего, побудить их готовые уже расположения в бесконечной любви к Богу, в непоколебимом уповании на Его промысел и чувствии любви к ближнему; а другой стремится заблуждениями своими заразить неумеющих употреблять дарования своего разума, ибо здравый разум весьма легко может усмотреть слабую связь его системы и неосновательных предложений.

Ежели вы с прилежанием читали письмо сие до самого сего места, ежели вы с прилежанием замечали все в оном предложенное, спросите только себя, находите ли вы по сему основание во всех сочинениях Волтеровых, где только он писал против закона? Уверен я, что вы отвергните оные благоразумно. Я радуюсь, где нахожу устремление его против суеверства, но раскаиваюсь, что некогда одобрял я в нем те места, кои казались мне неопровергаемыми и кои нашел безрассудными, начав читать труды других добродетельных сочинителей и получа от них руководство лучшим образом употреблять мои рассуждения. Конечно, вы согласитесь со мной, что все люди, защищающие сторону Волтерову, мне кажется, не читали ничего в жизни, кроме его сочинений, и что оные согласятся с нами, когда возьмут труд читать других возражающих против его сочинителей. Другие не будут без рассуждения верить всему, что о нем кричат люди, слышавшие только от других: "Волтеровы книги содержат в себе все, чему верить должно". Не страшно ли верить тому, чего не исследовано своим рассуждением? И вы знаете, сколько есть людей, так поступающих, даже, что введено в моду говорить с насмешкой о вещах, единственно заслуживающих истинное почтение от нашего разума.

Я предвижу, что и мое письмо к вам не избегнет таинственного презрения и насмешек от некоторых чтецов, которые, без сомнения, будут иметь оное в руках своих, за то, что я привел здесь в пример защищение о истине закона христианского, но доволен, что учинить сего не могут, как только те люди, коим всякое учение о добродетели не нравится. Ибо, впрочем, не можно презирать закон, коего намерение есть наше блаженство, а учение – любовь к Богу, к самому себе и

ближнему своему. Между тем, ведаете ли вы, государь мой, что закон сей только проповедан народу со времени, когда Спаситель нагл по своем воплощении пришел побудить наши духи помыслить о своем спасении, а, впрочем, основания истины его были инакомы еще в самой древности? Надеюсь, что вам никогда о сом слышать не удалось, но вы уразумеете справедливость сего из грех надписей на столбах египетского Гермеса, коих остатки и поныне еще видимы, иссеченные на трех порфирных камнях в Мемфисе {Марсхам в объяснении древних иероглифов и надписей, собранных египтянином Манефом.}¹². Вот они, и ваше рассуждение уверит вас, что возражение на Волтера было еще за многие тысячи лет прежде его рождения.

На первом столбе надписано: "Бог, который есть разум, жизнь и свет всего, родил Слово, которое Слово есть разум и Творец всех вещей, и с Ним изшел еще один, который есть Бог пламенный и Дух Блаженства Его".

На втором столбе: "Бог и Разум и Дух суть между собой неразличны, неразделимы, всех Их соединение есть соединение жизни, от Бога происшедший, несозданный, бесконечный, вечный, непременный, невредимый с Богом единственен, Ему равен и присносущен".

На третьем столбе: "Бог Дух есть воли Божьей орудие. Сей все оживотворяет, Он все наполняет, Он питает души, как и мир тел. Ничто без сего Духа не может обойтись, ибо оный все согревает, все одушевляет, и из источника Его происходит все благо и помощь всех духов и всего живущего, чрез Него произошел мир, и Он каждой звезде назначил свое место"¹³.

Есть и еще много мест в древности, которые могут свидетельствовать, что люди довольно разумели основание добродетели и следовали ей не с иным намерением, как приблизить себя к Богу, но я не привожу оных, ибо хотя заблуждения человеческие затмевали понятие сие во всех веках, но сердца их во все времена и доныне ж оставались побуждаемы к тому своей совестью.

Я заключаю, государь мой, письмо сие в убеждение всем гордящимся своим неверием следующей моей сентенцией, которая избавляет меня всегда от всех дерзостных, вскользающих в рассуждение веры моей в голову мою мыслей.

Пусть я ошибаюсь, пусть это напрасно, что я обожаю закон христианский, пусть душа моя не бессмертна и так ничего не будет по моей смерти, пусть вера моя только суета, но я верю несомненно и тем уже награжден, ибо я великое нахожу подкрепление терпеть горести жизни сей, имея надежду в моем ожидании. Что я потеряю, ежели ничего по смерти моей не будет? Но ежели есть что-нибудь, ежели взыщут пренебрежение добродетели, сколько выигрываю я тогда за малое только принуждение страстей моих, к чему меня собственные увещевают чувства, и когда победа моя над самим собой толь приятна еще и в сей жизни моей. Вопрос, для чего я верю и для чего не верю, составляет две крайности недоумения, но из двух крайностей всегда должно следовать лучшей, кто ж не признает лучшей ту, где я не токмо не опасуюсь ничего, но нахожу удовольствие, подкрепление и надежду? Следственно, должно верить, хотя бы и ничего не было за пределами нашего гроба, хотя бы душа моя, в состоянии быв понимать бессмертного Бога, не уверялась из того, что она сама бессмертна, ибо смертный о бессмертном никакого понятия иметь не может, потому что вещь, имеющая понятие, имеет разум и потому должна быть бессмертна.

Впрочем, должно признаться, что верить и не верить не всегда от нашей зависит воли, ибо иногда то, что мне кажется быть вне всякого сомнения, другому представляется вещью, никакого доказательства не имеющей. Мы видим, что не все

духи здесь равной одарены способностью. Но что лежит до отступления от добродетели, сие было бы неправосудие Божье, когда бы за оное не наказывать, ибо злость сего мы без всяких доводов довольно сами в себе чувствуем, и совесть наша беспрестанно то подтверждает.

С восхищением читаю я рассуждения о сем г. Руссо, в письмо к Волтеру включенное, которое за нужное считаю сюда приобщить. "Что касается до меня, то я признаюсь вам чистосердечно, что в сем случае ни в защищение, ни в опровержение просвещением разума ничего доказать не можно, и ежели деист утверждает свое мнение на вероятности, то менее основательный атеист укрепляет свое мнение на противоположенной возможности. Сверх сего с обеих сторон возражения почти нерешимы, ибо они касаются до таких вещей, о коих люди не имеют совершенного понятия. Я соглашаюсь на все сие, однако верю в Бога толь твердо, что никакой другой истине не верю, ибо верить и не верить – вещи, от меня мало зависящие, что состояние сравнения есть лютое состояние для моей души, что когда разум мой колеблется, то вера моя не может долго быть неосновательной и утверждается сама собой без разума, и, наконец, что тысяча важнейших предметов привлекают меня к утвердительнейшей стороне и присоединяют важность надежды к равновесию разума.

Я признаюсь, что есть некоторое исповедание веры, которое может нам предписать закон, но, без сомнения, ненависти достойнейшее есть гонение. Об оном должно рассуждать из его источника, ибо самые кровожадные фанатики переменяют речь по их счастью и тогда проповедуют о терпении и кротости, когда находят себя в бессилии мучить других. Того ради по основанию называю я гонителем всякого человека, который воображает, что не можно быть честным человеком, ежели кто всему тому не верит, чему он сам верит, и проклинает всех, кои не так о вещах думают, как он.

Сверх того, ежели бы я по моему выбору мог искупить дела мои, верой и силой добродетели загладить мое неудобоверие, то я бы ни мало не медлил, а лучше бы желал возопить к Богу: "Господи! Я сделал угодное Тебе дело, о Тебе не думая, и сердце мое последовало Твоей воле, не зная оной", – нежели как я должен буду вопиять во все время: "Увы! Я любил Тебя, однако беспрестанно Тебя оскорблял, я знал Тебя, но ничего в угодность Твою не делал".

Я прекращаю, государь мой, письмо сие, ибо чувствую, что распространился в оном слишком. Однако вы можете извинить сие в рассуждении, что материя такового предложения требовала подробных на все доводов и что не найдешь почти конца, если дашь в сем намерении свободу своим рассуждениям.

Признаюсь вам, государь мой, что не для вас только писал я письмо сие, ибо вы без меня довольно признаете все истины здесь предложенного; предмет мой был оказать тем некоторую услугу особам, коим вы, без сомнения, оное покажете, и для того не скрывайте, государь мой, сей довод моего к обществу усердия, я с удовольствием буду внимать все на оное критики, все возражения, однако всегда буду надеяться, что ни один рассуждающий человек не прочтет оногo с равнодушием. Между тем имею счастье быть с почтением моим, государь мой, Вашим покорным слугой. В. Л.

Мая 2 дня, 1780 года

КОММЕНТАРИИ

Впервые: Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Волтера на разрушение Лиссабона, писанное Лвшм к приятелю его Господину З***. М., 1788.

Печатается по: *Левшин В.А.* Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Волтера на разрушение Лиссабона, писанное Лвшм к приятелю его Господину З*** / Публ. и комментарии Т. В. Артемьевой // Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. СПб., 1996. С. 220-254.

Комментарии к данной работе Левшина принадлежат Т. В. Артемьевой.

Левшин Василий Алексеевич (1746-1826) – писатель, мыслитель.

Автор около 90 оригинальных и переводных работ, посвященных проблемам экономики, религии, морали, медицины, философии.

В настоящее время В.А. Левшин известен более как писатель – автор первых в России волшебного-авантюрных романов и представитель раннего сентиментализма. Среди наиболее известных: *Утренники влюбленного* (М., 1779); *Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях* (М., 1780-1783. Ч. 1-10); *Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских* (М., 1787-1788. Ч. 1-6) и др.

Помимо указанных сочинений его перу принадлежит социально-политическая утопия "Новейшее путешествие. Сочинено в г. Белеве" (Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13-16). Она написана в традициях "воздушных путешествий", навеянных мотивами легенд о Беллерофонте, Дедале и Икаре, Фаэтоне, а также под явным влиянием повестей Вольтера.

¹ "Поэма о гибели Лиссабона, или проверка аксиомы: "Все благо"" была написана Вольтером в 1755 г. (опубликована в 1756 г.) по поводу катастрофического землетрясения, почти до основания разрушившего столицу Португалии Лиссабон. Вольтер полагал, что Бог является творцом мира и всех свершающихся в нем событий, как полезных для человека, так и губительных для него.

² По поводу этой поэмы Руссо написал Вольтеру письмо от 18 августа 1756 г. Ж. Руссо считал, что источник нравственного зла может быть заключен только в человеке. Имеются многочисленные русские переводы этого письма (см.: *Письмо господина Руссо к господину Волтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия.* 1762. Ч. IV. № 13. С. 235-273; *Письмо господина Руссо к господину Волтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия / 2-е изд.* 1787. Ч. IV. С. 198-230; *Письмо Ж.-Ж. Руссо к г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона [18 авг. 1756 г.] // Правдолюбец, или карманная книжка мудрого.* СПб., 1801. С. 19-54; *Письмо Ж.-Ж. Руссо к г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона [18 авг. 1756 г.] // Вольтер. Поэма на разрушение Лиссабона / Соч. г-на Вольтера, с возражением на оную, писанным Ж.-Ж. Руссо.* СПб., 1802. С. 19-54; *Письмо Ж.-Ж. Руссо к г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона [18 авг. 1756 г.] // Вольтер. Поэма на разрушение Лиссабона / Соч. г-на Вольтера, с возражением на оную, писанным Ж.-Ж. Руссо.* 2-е изд. СПб., 1809. С. 17-48; *Письмо Жан-Жака Руссо к Вольтеру / Пер. А. К. [А. И. Каменской]; Примеч.*

издателя Ф-го [Е. М. Филомофитского] // Украинский вестник. 1817. Ч. 7. No 7. С. 3-29; Ч. 8. No 9. С. 271-283.)

³ Имеются в виду школы скептицизма и рационализма и прежде всего Паскаля (чью метафору "мыслящий тростник" Левшин обыгрывает в тексте), Декарта и Лейбница. Левшин как бы предвосхищает вывод "Истории философии" архимандрита Гавриила, сделанный десятилетиями позже, о том, что "никогда русский, подобно Декарту, не принимал сомнений за начало философии" (*Гавриил, архим.* История философии. Казань, 1840. 4.6. С. 5).

⁴ Левшин использует популярный в Новое время образ часов как модель взаимоотношений Бога и мира. Бог – "часовщик" создает мир – "часы", которые исправно работают без его непосредственного вмешательства. Данная модель взаимоотношений Бога и Мира близка к деистическим воззрениям Вольтера.

⁵ Данное рассуждение показывает не только попытки мыслить в категориях противоположностей, но и важное методологическое значение идеи Бога для построения философских рассуждений. В системе Левшипа Бог не столько демиург – творец, сколько воплощение принципа единства.

⁶ Вероятно, имеется в виду "Рассуждение о методе", где Декарт пишет, что животные не что иное, как совершенные автоматы, сделанные руками Божьими. Человека отличает, по его мнению, разумная душа, в животных же природа действует "сообразно расположению их органов" (*Декарт Р.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 284).

⁷ Имеются в виду "Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе" Л. Эйлера (СПб., 1768. Ч. 1-3), "Исповедание веры Савойского викария" Ж.-Ж. Руссо (русский перевод под заглавием: *Размышление* о величестве божий о его промысле и о человеке г. Ж. Ж. Руссо; Переведена 1769 и 1770 г. [Семеном Башиловым]. [СПб.: тип. Артиллер. и инж. кад. корпуса, ок. 1770]) и "Зрелища природы" (*Spectacle de la Nature, ou Entretiens sur l'histoire naturelle et les sciences.* Paris, 1732) Ноэля Антуана Плюша.

⁸ Приводится сочинение Л. Эйлера "Письма о разных физических и философических материях...", где знаменитый математик и физик излагает свои философские взгляды. Эйлер полагал, что свойствами материи являются протяженность, инертность, непроницаемость, а свойствами души – способность мыслить, чувствовать и желать.

⁹ Мф. 22,37.

¹⁰ Мф. 22, 39.

¹¹ См. коммент. 8.

¹² *Гермес Трисмегист* (Трижды Величайший) – легендарный основатель алхимии, живший в V-IV вв. до н. э. Согласно преданию, по повелению Александра Македонского на его могиле были начертаны тринадцать заповедей "Изумрудной скрижали".

¹³ Об этом см.: *Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 369, где содержится текст "Изумрудной скрижали". Из него видно, что приведенные Левшиным ссылки передают некий христианизированный вариант. Возможно, это масонская традиция, ведь Гермес Трисмегист был одним из центральных персонажей масонской мифологии.